

## КУКУШКА

Чудесная, в общем, погода.  
Туманы над лесом бегут.  
Июнь сорок первого года.  
Кукушка пророчит: «Ку-ку».

Июнь. Сорок первого. Лето  
В зените. На том берегу  
С зениток снимают масксети.  
«Кукушка, я Сокол... Ку-ку...».

Мир замер в немом ожиданье,  
Как ворон седой на суку.  
Сквозь танковый рокот признание:  
«Кукушка, пожалуйста... ку-у-у!..».

Идут оккупанты по сёлам,  
Несут неоципаннных кур.

Обратный отсчёт невесёлый  
Ведут миномёты: «Ку! Ку!».

Ты спишь, обнимая подушку,  
И сны беспокойно текут.  
Но вдруг замолкает кукушка,  
Глотая последнее «Ку...».

Две тысячи эн-ного года  
Июль на сибирском лугу.  
Кукушка – смешная порода –  
Бессмертно талдычит: «Ку-ку»,

Птенцов перепрятав надёжно  
В чужое гнездо, где война  
Уже не достанет. И тошно,  
Бесслёзно кукует она.

\* \* \*

Когда в металл закованная рать  
На девственных лугах траву сминала,  
Она пришла в Россию умирать.  
Всего страшней: Россия это знала.

Не слыша стона в шелесте ветвей,  
Шли воины, чтоб путь земной окончить.  
Затерянный в изломанной траве,  
По ним звонил негромко колокольчик.

На месте тех лугов теперь гранит,  
Плитой могильной – полотно дороги.  
А колокольчик всё звенит-звенит,  
Как будто враг, как прежде, на пороге.

Слащавый циник цедит в микрофон,  
Что, дескать, от России не убудет.  
В безветрии рассветном вязнет звон.  
Его услышат и проснутся люди...

\* \* \*

Хмельные речи лезут на язык:  
О премиях, о конкурсах и планах.  
Но первый тост не вышибет слезы.  
Он самый незатейливый... и странный.

А вот второй... Признания звучат  
И пьёт поэт коньяк, притворно морщась.  
О тех, кого на свете нет, сейчас  
Мы третью опрокидываем. Молча.

Опять горланит шумная толпа,  
Деля людей на «наших» и «не наших».  
Судьба снимает поварской колпак –  
Она не зря заваривала кашу.

Сейчас допьём – и ну её хлебать.  
Писать стихи и грезить о высоком.  
Кому-то – свет и свежие хлеба,  
Кому-то – водка горевейным соком.

Бог весть, что будет, где найдём ответ  
И что придётся испытать при этом,  
Чтоб без зазренья совести поэт  
Мог сам себя именовать поэтом.

\* \* \*

Из тьмы на свет стремятся единицы.  
В политику играет – большинство  
Мне поле обездоленное снится,  
И желтоватый свет через ресницы –  
Свет из пшеничной юности его.

Проснусь, а всюду снова делят власть.  
Орать готовы и махать руками,  
Друг-друга клясть и заливаться всласть  
О том, из-за кого беда стряслась.  
А поле зарастает сорняками...

Никто не сеет истины зерно,  
Со звонким «...ля» нашла коса на камень.

Как любят власти рассуждать умно!..  
Но от речей их сделалось темно  
Над полем, что кормило нас веками.

## **ЦВЕТА И ЗВУКИ**

Отзвучал твой голос, одуванчик,  
И поблёк, охрип, распался на  
Звуки-парашютики, а дальше –  
Бьющая по нервам тишина...

Верить ли?.. Растерянно стою, не  
Зная, может ветер мне солгал,  
Рассказав, что солнышко в июне  
Желтый цвет разучит по слогам.

## **ПОСЛЕ ПАВОДКА**

1

Вымокло в посёлке дачном, кажется,  
Каждое худое деревцо.  
И берёза, что когда-то саженцем  
Привозили из лесу с отцом.

Думали – пройдут десятилетия  
И под этим деревом родня  
Будет наше вспоминать наследие,  
Называть пра-прадедом меня.

Обхватила грязь сапог резиновый,  
И шипит: «попробуй, отними!».  
Споря с новоявленной трясиною,  
Я спешу к берёзе напрямик.

Под ногами хлюпкий август плещется.  
Чуть не вскрикнул в тот же миг, едва  
Углядел, как истово трепещется  
Над водой зелёная листва.

Странно эта ветка многолистная  
Смотрится в болотистой глуши.  
Раз берёза умудрилась выстоять,  
Значит, будем сеять. Будем жить.

2

Горел дачный домик за пару аллей от меня.  
Постреливал шифер и дым устремлялся к зениту.  
Соседка твердила: «Поди, подожгла ребятня...».  
Ага, развлекаются... Не ребятня, а бандиты.

Как будто почуяли: людям теперь не до дач,  
Изжёванных паводком этим мучительным летом.  
Бесхозные домики будут – судачь, не судачь –  
Ломать и сжигать, и гортанно смеяться при этом.

Как взявшие спички лисички, что к морю гурьбой  
В известном стихше направлялись, чтоб выжечь стихию.  
Мне кто-нибудь скажет: «Вот лучше б следил за собой...  
Послушать тебя, так они поголовно плохие...».

Соседка твердит: «Что ж теперь, со шпаной воевать?  
У этих вояк – нос сопливый и школьные ранцы...».  
А в домике дачном осталась стоять лишь кровать.  
Точнее, две спинки и чёрный от копоти панцирь.

\* \* \*

По русским просторам блуждает колючее эхо,  
Дремучее эхо, гремучее эхо войны.  
В столетьях не гаснет, оставшись как вечная вежа,  
Горючее эхо, с какой ты летишь стороны?

В нём конницы цокот и армии вражеской топот,  
И яростный шепот и зычное: "Друзи, ура!".  
Оно, это эхо – ничейный, потерянный опыт,  
Для завтрашних нас сохранившийся слепок "вчера".  
Так дышит история. Сонно, волнительно, глухо.  
И можно расслышать, какие хранит чудеса...  
Испуганный ветер мне шепчет. Мне шепчет на ухо:  
«Россия огромна». А эху плясать и плясать....

\* \* \*

Прогорает октябрь, и уже говорят старики,  
Мол, «примета верна и зима на пороге маячит».  
Мы сидим у костра, у соловой, продрогшей реки.  
Шустрый солнечный зайчик по куртке и свитеру скачет.

А деревья искрят и бросаются листьями, но  
Недвижима река, будто в Лету избыстрилось лето.  
И уходит листва, намокая, на сонное дно,  
Рассыпается берегом ярким, лоскутистым пледом.

Прогорает октябрь... Пляшет желто-багряный пожар,  
Запаляя осины, рябины, берёзы и клёны.  
И коптит, и чернит их стволы. Лист пожухлый держа  
Словно свечку горящую, замерли мы удивлённо.

Всё острее ощущается близость холодных ночей,  
Сиплый северный ветер всё злей и настырней поёт о  
Том, как листик берёзовый, нынче подобный свече,  
Жжёт ладони, прося может лета, а может – полёта.

Прогорает октябрь...

\* \* \*

С вечного дерева сорван плод.  
Прежнему не бывать!  
Что напоследок сказал Еве тот,  
Кто всех учил предавать?  
Что ей на ухо шипел сатана?  
Ева, как часть ребра,  
Мужу верна.  
Змей сказал:  
«Ж-ж-жизнь одна»,  
И научил умирать...

